

УДК 316.33

doi: 10.20310/1819-8813-2016-11-10-104-110

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОСТКОНФЛИКТНОГО РЕГИОНА

ЮСУПОВ МУСА МОВЛИЕВИЧ

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
г. Грозный, Российская Федерация, e-mail: musa_y17@hotmail.com

Статья подготовлена по материалам проекта РГНФ, № 09-03-00750а, на основе доклада на XII Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурное исследование и проектирование этапов модернизации российских регионов и муниципалитетов» 26-29 сентября 2016 г., Самара-Тольятти

В статье рассматриваются особенности восприятия справедливости в условиях постконфликтного возрождения и социокультурной модернизации региона, выделяются основные движущие силы инновационных преобразований, определяется место справедливости в иерархической структуре ценностей. Методологией исследования явились концепции классической и современной социологии, применялся социокультурный подход, использовались методы количественного анализа социологических и статистических показателей. Основная гипотеза предполагает зависимость восприятия и ощущения справедливости от социального благополучия индивида и общества в регионе и стране. В исследовании раскрываются этимологическая, правовая, социальная, экономическая аспекты справедливости, расценивается она как представление о должном. При этом указывается, что на понимание природы и содержания ценности «справедливость» оказывает влияние социально-исторический и культурный опыт, тип общественного устройства, положение индивида и социальных групп в системе социальных отношений. Обращается внимание на различное восприятие справедливости в разной социальной ситуации. Во время конфликта справедливость ассоциируется с безопасностью и чаще с уравнительным принципом гуманитарной поддержки. В стабильной, мирной обстановке она воспринимается как объективность в осуществлении вознаграждения и наказания, честность в системе административного и социального управления. Специально делается акцент на изменение советских и становление новых ценностей, отношение к собственности, социальной политике государства, выявляется степень выраженности патернализма и эгалитаризма, делается вывод об эклектичности ценностного мировоззрения. Характеризуются основные движущие силы возрождения и модернизации региона, роль научных учреждений в создании основ инноваций, показатели качества жизни. В заключении делается вывод о зависимости представлений о справедливости от социального благополучия, типа общественного устройства, культуры, результаты исследования могут быть применены в административном и политическом управлении, деятельности общественных объединений.

Ключевые слова: справедливость, распределение, равенство, неравенство, ценность, модернизация, благополучие

Справедливость – эмоционально переживаемая ценность и является своеобразным индикатором типа социального обустройства общества. Существуют разные концептуальные подходы к изучению данной ценности. Исследователи выделяют присущие эгалитаристскому и меритократическому сознанию сегменты: уравнительный и пропорционально распределительный. При этом рассматривают справедливость в соотношении с понятиями равенство и свобода. В литературе освещены теоретические и прикладные аспекты справедливости, раскрыты ее аксеологический, правовой, экономический и социальный стороны.

В данной статье ставится цель рассмотреть проявление ценности «справедливость» в условиях послевоенного возрождения и социокультурной модернизации региона.

Предмет исследования: справедливость в условиях послевоенного возрождения региона.

Методы: В исследовании применялись социокультурный и конфликтологический подходы, использовались методы анализа статистических и социологических показателей, ценность справедливости рассматривалась через дихотомические понятия «справедливость – несправедливость», «равенство – неравенство».

В основной гипотезе сделано предположение о зависимости восприятия справедливости от социального и экономического благополучия различных групп населения.

Обзор литературы. В толковых словарях справедливость понимается как беспристрастие, справедливое отношение к кому-чему-нибудь. Этимологию слова «справедливость» связывают с прилагательным «справедливый», из польского *sprawiedliwy* «справедливый» и с общеславянским – правда (*pravda*). Справедливость называют синонимом правды, морально-этической категорией, которая должна служить объективным критерием во взаимоотношениях между людьми [1]. На чеченском языке справедливость («Нийсо») является синонимом терминов равенство, равенство и, возможно, в прошлом в коллективистской психологии и коллективной самоорганизации справедливость ассоциировалась с равным соучастием в делах и равным распределением благ, равной коллективной ответственностью групп и общности.

В философском словаре справедливость рассматривается как нравственный принцип, предполагающий учет меры заслуг, т. е. меры добрых дел или, напротив, проступков и определение на этой основе меры поощрений или наказаний [2].

В социологии справедливость социальная является одной из основополагающих ценностей и ведущей идеей морали и права, этически и ценностно обоснованное построение, развернутое на общественную практику, область действительных экономических, политических, правовых, нравственных и иных отношений [3].

Современным представлениям о справедливости предшествовали религиозные воззрения. Так, в православии справедливость в Боге, проявлении Божественной справедливости в будущем. В иудаизме справедливость – высшая ценность, ее проявлением служит помощь другому. В исламе также справедливость во Всевышнем, его справедливым суде, но согласно кораническому предписанию она представляет меру должного, определяется на весах дел. В чеченской социальной практике справедливость связана в известной степени с равенством и волевыми действиями, справедливости не бывает, если кто-то ее не установит.

С распадом СССР в постсоветской России в 90-е гг. начинают проводить социально-либеральную политику реформу, но она не оправдала надежды значительной части населения, привела к сильному социальному расслоению населения, увеличила дистанцию между людьми с большими и малыми доходами. Между тем, неудачные практические действия, организацион-

ные просчеты не могут перечеркнуть, умалить сами принципы и ценности свободы, конкуренции, инициативы и ответственности.

Справедливость представляет собой понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Она подразумевает требование соответствия между практической ролью человека или социальной группы в жизни общества и их социальным положением [4].

Ее также рассматривают в непосредственном отношении к социальным установлениям, оценивая их с точки зрения распределения ролей, преимуществ или потерь, испытываемых членами общества [5].

В наиболее обобщенном виде справедливость определяется, с одной стороны, как чувство, связанное с восприятием человеком самого себя в обществе других, как определенную способность индивида к оценке людей и социальных отношений. С другой – как идея и идеал, к которому уже многие века стремится человечество [6].

В целом социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов [7].

Итак, на понимание социальной справедливости оказывают влияние особенности социально-исторического, культурного развития народа, тип общественного строя и переживаемая конкретная социальная ситуация. Она выступает ценностным механизмом регулирования в качестве этической и социально-правовой категории индивидуальных поступков, поведения и социальных отношений.

Результаты исследования. Ретроспективный взгляд на недалекое прошлое 80-90-х гг. XX в. показывает, что в этот период представления о социальной справедливости среди различных слоев и групп не соответствовали социальной реальности. Что вызывало социальное недовольство и служило движущим фактором роста социально-политической активности населения, аккумуляции и артикуляции социальных требований. Социологический опрос 1991 г. в республике свидетельствует, что наибольшее беспокойство, в частности, у чеченского населения вызывали социальные проблемы. [Социологическое исследование «Интересы разнорасовых групп занятого населения. Грозный, 1991. Объем выборки-1575 чел.]

Между тем в массовом сознании сильно выражены установки на обеспечение социальной

справедливости. Она понимается многими не как уравнительность, а как пропорциональное распределение благ, с учетом, скажем, результатов труда, создание равных возможностей конкуренции в различных сферах жизни. Межличностное и межгрупповое взаимодействие в социальном пространстве и регулирование этих отношений воспринимается через призму справедливости.

Так, опрошенные учителя чеченского языка, истории при ранжировании трех ценностей: свобода, равенство, справедливость на первое место определили справедливость. При массовом опросе также среди предложенных 19 ценностей респонденты выбрали, прежде всего, ценность – справедливость, она универсальная ценность [Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона». Центр социально-стратегических исследований, ЧР. 2009. Объем выборки – 1000 чел.]. Однако в условиях социального кризиса доминируют групповые и индивидуальные эгоистические интересы. Во время конфликта она воспринимается, прежде всего, как необходимость обеспечения безопасности, прекращения противоправного насилия. В стабильной обстановке справедливость понимается как объективность в разрешении спорных вопросов, оценке труда, распределении благ.

Во время протекания активной фазы конфликта социальная справедливость реализовывалась через уравнительный принцип оказания гуманитарной помощи в расчете на каждого члена семьи. В постконфликтной ситуации по мере восстановления социально-экономической инфраструктуры вновь утверждается существующий в стране принцип распределения благ в виде выплат зарплат, пенсий и т. д.

Уровень справедливости и восприятие ее различными социальными слоями зависит от общего жизненного благополучия, степени защищенности прав человека и гражданина. В свою очередь, благополучие складывается на основе действия экономических, научно-технических факторов.

Культура может меняться при сохранении устойчивой социальной структуры [8], но в условиях перемены социального строя одновременно происходит с разной степенью активности изменение культуры и социальной структуры. В процессе трансформации советского социалистического строя наблюдается изменение социальных воззрений, иерархии системы ценностей. Нами были определены две группы, которые бы проголосовали в 1991 г. за и против сохранения СССР. Характерно, что из периода советской власти перенесли бы в постсоветское российское общество в первую очередь запрет на продажу земли гото-

вые проголосовать «за» – 30,2 %, «против» – 27 %. При этом перенесли бы бесплатное образование и здравоохранение соответственно – 84,4 % и 70,6 %, а отсутствие частной собственности только 9,4 % и 4,4 %, примерно равные доходы независимо от специальности и служебного положения – 24 % и 19,1 % [Социологический опрос «Исторические ценности», Грозный, 2016, объем квотной выборки – 220 чел.]. Как видим, некоторой части населения присущи патернализм и эгалитаризм, но в целом произошли существенные перемены в структуре ценностей, явно выражена адаптация к новым социальным условиям, предполагающим конкуренцию, активное поведение.

О состоянии переходности, сохранении последствий кризиса, конфликта свидетельствует ценностное восприятие респондентами социальных отношений в региональной общности. Так, большинство людей попытались бы обмануть при получении шанса полагают 44,1 % опрошенных мужчин и 40,4 % женщин, попытались бы с ними быть справедливыми – 26,2 % и 29,7 %. В данной предполагаемой ситуации считают, что с ними поступили бы справедливо респонденты в возрасте 18-24 лет – 27,1 %, 50-59 лет – 27,4 %. Такое совпадающее мнение представителей разных поколений объясняется скорее преемственностью социокультурного опыта и тем, что нравственно-этическое и социально-правовое состояние общества пронизывает все сферы жизни и социально-демографические слои. Нет почти разницы в восприятии справедливости в обществе между оптимистами и пессимистами, однако она обнаруживается между приверженцами использования светского и исламского компонентов в общественном устройстве республики. Из них первые допускают возможность обмана – 51,2 %, вторые – 41,8 %, хотя едины в ожидании справедливого отношения – 29,6 % и 29,1 %. Вместе с тем, выявлена корреляция справедливости с образованием респондентов и ценностью «доверие». Так, ожидают обмана не имеющие законченное среднее образование – 25,1 %, с высшим – 44,7 %. Столь большая разница в ответах скорее объясняется не наивностью и большей добропорядочностью лиц с неполным средним образованием, а их меньшей включенностью в разнообразную социальную практику. Любопытно, что доверяющие большинству людей предполагают возможность обмана – 22,9 %, меньшинству – 45,9 %, никому – 54,2 %. Эта корреляция объясняется близостью по смыслу и значению ценностей «справедливость» и «доверие» и их «чувствительностью» на состояние социокультурной атмосферы в обществе.

В постконфликтной региональной общности несмотря на достигнутые значительные перемены в реконструкции социально-экономической инфраструктуры очевидны сильное социальное расслоение, и другие социальные проблемы жизнеобеспечения и эти явления как бы вписываются в общие тенденции в стране. В европейских странах, кстати, соотношение 10 % самых бедных к 10 % самых богатых составляет 1 к 6, в России – 1 к 16 [9]. Между тем, предпосылкой формирования чувства справедливости и соответствующих индивидов является здоровое, разумно устроенное общество [10].

Решающая роль в послевоенном восстановлении социально-экономических объектов и инфраструктуры, повышении уровня социальной справедливости, создании условий социокультурной модернизации региона принадлежит государству, федеральной и региональной власти.

Общий уровень социокультурных показателей республики в два раза ниже среднероссийского. Это наглядно просматривается по вопросам удовлетворенности трудом и жизнью, уровню доходов, демократизации общественно-политической жизни. Внутренний региональный продукт на душу населения составлял в 2014 г. в ЧР – 88462,4 руб., это в 4,3 раза меньше, чем в целом в Российской Федерации, и в 1,6 раза, чем в СКФО, но темпы роста высокие, в 2005-2014 гг. ВРП вырос в стране 3 раза, СКФО – 3,6 раза, а в ЧР 4,4 раза [11].

Динамика качества жизни, складывающаяся из продолжительности жизни, младенческой смертности и других показателей, в 2005-2010 гг. имела индексное выражение (ВМ) – 74 и 88, в стране – 84 и 94 [12]. В «Рейтинге регионов по качеству жизни – 2015» Чеченская Республика переместилась с последней десятки субъектов РФ и занимает 73-е место [13].

Город служит моделью общества, отражает степень справедливого общественного устройства [14], причем взаимосвязь собственности и модернизации региона объективно определена территориально-отраслевой специализацией [15]. В Грозном социально-экономический уклад в основном характеризуется наличием рынка услуг и потребления с большим весом индивидуально-коммерческого труда, сочетанием в повседневности черт современного и сельского образа жизни. Общая городская инфраструктура выступает как достояние всех горожан, но проявлением неравенства и несправедливости служат складывающиеся раздельные городские массивы проживания людей с достатком и с низким уровнем жизни.

Основными социальными движущими силами возрождения и модернизации региона являются управленческие кадры госучреждений, предприниматели, научные, технические специалисты, работники системы образования и рабочие соответствующей квалификации.

В подъем экономики и социальное обустройство наряду с государством вносят свой вклад предприниматели и труженики, занятые на предприятиях различной формы собственности. На 1 мая 2016 г. преобладающей формой собственности организаций республики являлась частная собственность – 66,3 %, государственная и муниципальная – 27,5 %, смешанная российская собственность – 0,6 % [16]. В 2014 г. из 63 инвестиционных проектов 34 были промышленной и энергетической направленности, 21 – агропромышленной и 8 туризма и сферы услуг [17].

Во всей этой деятельности не всегда учитывается, что модернизация предполагает совершенствование правовой системы регулирования финансово-экономических отношений, прозрачность и открытость в реализации различных проектов [18].

Другая проблема состоит в том, что наиболее крупные бизнесмены находятся за пределами ЧР, из них лишь отдельные участвуют в инвестиционных проектах, создании высокотехнологичных предприятий, в основном в сфере услуг, сельскохозяйственного и пищевого производства, развитии рекреационно-туристического кластера.

Средний класс преимущественно представлен малым и средним предпринимательством, основной вид деятельности: оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий – 46,0 %, сельское хозяйство – 27,5 %, транспорт и связь – 8,8 %. В то же время заняты промышленным производством – 0,5 % и единицы научно-техническими изысканиями.

Воссоздание основ инноваций происходит чаще через деятельность научных учреждений и организаций. Внутренние затраты на научные разработки пока в два и более раза меньше по сравнению с сопредельными регионами СКФО. Объем инновационных товаров в ЧР – 1,6 %, СКФО – 7,6 %, РФ – 8,7 %. В 2014 г. подано заявлений на изобретения 29, получено патентов – 5, на новые модели соответственно 6 и 2. Компьютеров на 1000 обучающихся в 2014 г. в вузах – 139, СКФО – 212, Российской Федерации – 217. Численность активных абонентов, фиксированных и мобильных с доступом к сети интернет в 2014 г. на 100 человек в Российской Федерации – 17, СКФО – 5,9, в ЧР – 2,2.

Уровень грамотности среди взрослых в республике превышает стандартное значение (80) и равен 96 %, а индекс грамотности – 100, как и по всей стране. Однако существует отставание по удельному весу лиц с высшим образованием, правда, разрыв этот постепенно сокращается. Между последними переписями население ЧР увеличилось на 15 %, а количество студентов в 2 раза. В 2002 г. на 1000 чел. старше 15 лет имели высшее образование в ЧР – 71, РФ – 157, в 2010 г. соответственно 115 и 228.

В трех высших учебных заведениях обучались в 1990/1991 г. – 16,5 тыс. студентов, в 2014/2015 – 32,9 тыс. С 2005 по 2014 гг. численность исследователей с научными степенями возросла с 121 до 357 чел., в том числе докторов наук с 39 до 130, кандидатов наук с 82 до 227. В республике на начало 2010 г. в аспирантуре обучались 152 чел., в 2014 г. – 290.

Таким образом, в регионе постепенно и последовательно наращивается потенциал экономического и социокультурного развития, принимаются меры для улучшения благополучия путем использования природных ресурсов, удобного географического расположения, наличия разветвленной транспортной сети и профессиональной подготовки молодежи.

Заключение. В республике заново построена инфраструктура, благоустроены многие населенные пункты, сократилась безработица, укреплен материально-техническая база системы образования и здравоохранения. Модернизационные изменения выступают как преобразование социальной действительности, предопределяют динамику иерархии ценностей. Вместе с тем, наблюдается социальное расслоение, рост разрыва в доходах богатых и бедных групп населения. В исследовании подтвердилось предположение о зависимости ощущения справедливости непосредственно от социальных условий, прозрачности механизмов распределения, поощрения и санкций. Это порождает у некоторых чувства несправедливого устройства системы социальных отношений, потребность более активного включения гражданских институтов в решение социальных задач посредством диалога, критического осмысления исполнительной и общественной деятельности. Результаты исследования могут быть использованы в административном и социальном управлении, выстраивании доверительных отношений власти и населения.

Литература

1. Клименко Т. М. Справедливость как принцип права // Вектор науки ТГУ. № 1(4). 2011. С. 135-137
2. Краткий философский словарь. URL: http://platonanet.org.ua/board/filosofskij_slovar/spravedlivost/1-1-0-434
3. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 2014. С. 494-496.
4. Байкин И. А. К вопросу о понятиях «социальная справедливость», «социальная защищенность», «социальная незащищенность» // Вестник МГТУ «Станкин». № 2 (21). 2012. С. 26-30.
5. Пионткевич Л. Ю. Проблема справедливости в социальной философии // Философия и общество. № 2. 2009. С. 100-109.
6. Леонтьева Е. Ю., Мунтян Г. М. Справедливость как социальный концепт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2009. № 2 (10). С. 55-58.
7. Дыльнова Т. В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестник РУДН. Серия Социология. 2004. № 6-7. С. 164-168.
8. Ruben P. Konig & Jo L. H. Bardeel (2014) Changing Culture, Stable Structure//European Societies, 16:4, 594-614, DOI: 10.1080/14616696.2013.862286
9. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография. М.: Изд@во Моск. гуманит. ун@та, 2011.
10. Роулз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. и науч. ред. В. В. Целищева. Новосибирск, 1995.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2015.
12. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., Academia, 2015. С. 164.
13. URL: <http://www.riara-ting.ru/infografika/201-60601/630023786.html>.
14. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр. О. В. Ковенецкой; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
15. Мельников Д. В. Экономические отношения собственности и модернизация российских регионов // Социально-экономические явления и процессы. Т. 11, № 2. 2016. С. 27-35.
16. Социально-экономическое положение Чеченской Республики в январе - апреле 2016 года: Доклад Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике. Грозный, 2016.
17. Состояние межэтнических отношений и религиозной ситуации в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (второе полугодие 2014). Экспертный доклад/под общей редакцией академика В. А. Тишкова. Научное издание. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2014.
18. Tie Fatt Hee The Influence of Modernity, Modernisation and Postmodernism on Company Law Reform in

Malaysia // Bond Law Review. 2003. Volume 15 Issue 1 page 285-313.

References

1. Klimenko T. M. Spravedlivost' kak printsip prava [Justice as principle of the right] // Vektor nauki TGU. № 1(4). 2011. S. 135-137.
2. Kratkij filosofskij slovar' [Short philosophical dictionary]. URL: http://platonanet.org.ua/board/filosofskij_slovar/spravedlivost/1-1-0-434
3. Sotsiologicheskij slovar' [Sociological dictionary] / otv. red. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. M., 2014. S. 494-496.
4. Bajkin I. A. K voprosu o ponyatiyakh «sotsial'naya spravedlivost'», «sotsial'naya zashchishchennost'», «sotsial'naya nezashchishchennost'» [To the issue about the concepts «social justice», «social security», «social vulnerability»] // Vestnik MGTU «Stankin». № 2 (21). 2012. S. 26-30.
5. Piontkovich L. Yu. Problema spravedlivosti v sotsial'noj filosofii [Justice problem in social philosophy] // Filosofiya i obshchestvo. № 2. 2009. S. 100-109.
6. Leont'eva E. Yu., Muntyan G. M. Spravedlivost' kak sotsial'nyj kontsept [Justice as social concept] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2009. № 2 (10). S. 55-58.
7. Dyl'nova T. V. Sotsial'naya spravedlivost' i sotsial'noye neravenstvo v usloviyakh sovremennoj Rossii [Social justice and social inequality in the conditions of modern Russia] // Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya. 2004. № 6-7. S. 164-168.
8. Ruben P. Konig & Jo L. H. Bardeol (2014) Changing Culture, Stable Structure//European Societies, 16:4, 594-614, DOI: 10.1080/14616696.2013.862286
9. Kanarsh G. Yu. Sotsial'naya spravedlivost': filosofskie kontseptsii i rossijskaya situatsiya: monografiya [Social justice: philosophical concepts and Russian situation: monograph]. M.: Izd@vo Mosk. gumanit. un@ta, 2011.
10. Roulz Dzh. Teoriya spravedlivosti [Theory of justice] / per. s angl. i nauch. red. V. V. Tselishcheva. Novosibirsk, 1995.
11. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli. 2015: R32. Stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2015: P32. Stat. collection] / Rosstat. M., 2015.
12. Problemy sotsiokul'turnoj modernizatsii regionov Rossii [Problems of sociocultural modernization of regions of Russia] / Institut filosofii RAN. Sostavleniye, obshch. red. N. I. Lapin, L. A. Belyaeva. M., Academia, 2015. S. 164.
13. URL: <http://www.riara-ting.ru/infografika/201-60601/630023786.html>.
14. Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovaniye spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov [Criticism and justification of justice: Sketches of sociology of grads] / Lyuk Boltanski, Loran Teveno; per. s fr. O. V. Kovenevoj; nauch. red. perevoda N. E. Kolosov. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2013.
15. Mel'nikov D. V. Ekonomicheskiye otnosheniya sobstvennosti i modernizatsiya rossijskikh regionov [Economic relations of property and modernization of the Russian regions] // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. T. 11, № 2. 2016. S. 27-35.
16. Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye Chechenskoj Respubliki v yanvare - aprele 2016 goda: Doklad Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Chechenskoj Respublike. Groznyj, 2016.
17. Sostoyaniye mezhehtnicheskikh otnoshenij i religioznoj situatsii v sub'yektakh Rossijskoj Federatsii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga (vtoroye polugodiye 2014). Ekspertnyj doklad [Economic and social situation of the Chechen Republic in January - April, 2016: Report of Territorial authority of Federal State Statistics Service in the Chechen Republic. Grozny, 2016.
18. Tie Fatt Hee The Influence of Modernity, Modernisation and Postmodernism on Company Law Reform in Malaysia // Bond Law Review. 2003. Volume 15 Issue 1 page 285-313.

* * *

JUSTICE IN THE CONDITIONS OF SOCIOCULTURAL RECONSTRUCTION OF THE POST-CONFLICT REGION

YUSUPOV MOUSSA MOVLIYEVICH

Chechen State University,

Grozny, the Russian Federation, e-mail: musa_y17@hotmail.com

Article is prepared on materials of the RHSF project, № 09-03-00750a, on the basis of the report at the XII All-Russian scientific and practical conference «Sociocultural Research and Design of Stages of Modernization of the Russian Regions and Municipalities» on September 26-29, 2016, Samara-Togliatti

In article the author considered features of perception of justice in the conditions of post-conflict revival and sociocultural modernization of the region, distinguished the main driving forces of innovative transformations and defined the place of justice in hierarchical structure of values. Methodology of a research are concepts of classical and modern sociology, the author applied sociocultural approach and used methods of the quantitative analysis so-

ciological and statistics. The main hypothesis assumes dependence of perception and feeling of justice on social wellbeing of the individual and society in the region and the country. In article the author revealed etymological, legal, social, economic aspects of justice and regarded as idea of due. At the same time the author specified that impact «justice» sociohistorical and cultural experience, type of a social fabric, position of the individual and social groups in system of the social relations exerts on understanding of the nature and the maintenance of value. The author paid attention to various perception of justice in a different social situation. During the conflict justice is associated with safety and is more often with the leveling principle of humanitarian support. In a stable, peace situation the author perceived it as objectivity in implementation of remuneration and punishment, honesty in system of administrative and social management. The author specially placed emphasis on change Soviet and formation of new values, the relation to property, social policy of the state, comes to light degree of expressiveness of paternalism and egalitarianism and made the conclusion about eclecticism of valuable outlook. The author characterized main driving forces of revival and modernization of the region, role of scientific institutions in creation of bases of innovations, indicators of quality of life. In the end the author made the conclusion about dependence of ideas of justice on social wellbeing, type of a social fabric, culture, results of a research can be useful in administrative and political management, activity of public associations.

Key words: justice, distribution, equality, inequality, value, modernization, wellbeing